

Переходя утром улицу, он заметил, что собаки, прижившиеся у автосалона, сегодня почему-то не лают, как обычно, а, подбежав, виляют хвостами и делают вид, будто ищут что-то на земле. «Как это понимать?» И тут вспомнил — три дня назад, реагируя на злобный лай, подумал грешным делом: «А не позвонить ли в службу, чтобы их забрали?» Однако через несколько мгновений спохватился, представив, что будет с этими бедными тварями, и сжалился над ними, решив тогда ничего подобно го не предпринимать. «Ишь ты, почувствовали, значит...»

...Днем дежурство прошло без происшествий. Наступил летний вечер, и небо на юго-западе, не скрытое за городскими зданиями, пылало всем великолепием заката, в котором низко над линией горизонта плыла яркая красавица Венера. К северо-востоку небесные краски уже плавно переходили в пурпурные и далее к горизонту в темно-голубые. Легкий ветерок, которого совсем не чувствовалось в течение жаркого дня, давал небольшую прохладу и чуть шевелил листву высоких ив, готовившихся к ночной дреме по обочинам проходившей невдалеке дороги. С возвышенности почти весь город был виден, как на ладони. Сразу же внимание Кости привлекла недавно возведенная высокая, с золотым шпилем и крестом, колокольня Успенского собора в Кремле. От нее на юг шла линия проспекта Ленина. Хорошо были видны основные храмы, а стоявшие тут и там высотки делали городской пейзаж современным. Работавшие во многих местах огромные башенные краны говорили о вновь возводимых высотных зданиях. Хорошо просматривался громадный зеленый остров Центрального парка, дальние районы города, а близлежащие кварталы живописной панорамой раскинулись перед взором Константина. Уже начали зажигаться огни освещения и реклам на городских улицах и площадях. Красиво — глаз не оторвать!

Здесь же, в черте уже ставшего большим — после присоединения, как это сейчас водится, земель окрестного района — города строится огромное здание торговоразвлекательного комплекса «Гипергалактика» с большущей прилегающей к нему территорией. И Константин с недавнего времени работает охранником в строительном городке, где располагалась администрация стройки, все подрядчики, разные службы, склады и вагончики рабочих. Его функции заключаются в открытии и закрытии ворот, чтобы посторонняя машина и человек без пропуска не проникли на территорию, а также в досмотре выезжающего транспорта, не принадлежащего работникам стройгородка. Следует сказать, что работу такую, как говорится, «непыльную», он выбрал, чтобы писать...

А писательская жилка, она ведь такая: бьется, бьется, «как ключ подо льдом», и

ничем ее не уймешь, хотя бы на время, кроме как написанным рассказом или главоки повести, а то и романа. Правда, Константин еще ни на что серьезное пока не замахивался, да и не догадывался о долгом и упорном труде для рождения чего-либо серьезного... Но, наглядевшись на жизнь строительных рабочих, вдохновился он написать о них и о их жизни. Ведь, кроме этой самой жилки, имел в душе — хорошо это или плохо, еще не понял,— обостренное чувство справедливости, неприятие явлений, не имеющих, как он ощущал, права существовать.

И писать было о чем. Достаточно увидеть толпы людей, которых привозили из общежития, находящегося порой за десятки километров от стройки, ранним утром понуро бредущих в вагончики, больше напоминающие сараи, где они переодеваются и где некоторые из рабочих, не получившие пока регистрацию или которым не хватило места в общежитии, даже живут. Потом люди так же уныло бредут на стройку. А отчего их настроение должно быть хорошим, если трудовой день начинается в семь утра и заканчивается в двадцать вечера, то есть, длится тринадцать часов кряду? И это все, до возведения корпуса,— под солнцем, дождем и ветром, а зимой и на морозе, и за двадцать — двадцать пять тысяч рублей, то есть, примерно за шестьдесят пять рублей в час. А тут еще охрана на нервы действует: по несколько раз в день проверяет пропуск. Перерыв на обед есть, но разве можно назвать обедом еду всухомятку? В лучшем случае есть возможность вскипятить воду на чай. А бытовые условия? — Уличные, редко моющиеся биотуалеты, отсутствие душевой и, зачастую, умывальников и возможности высушить промокшую рабочую одежду, которую в течение всего строительства не стирают. Да и когда этим и всеми другими бытовыми вопросами заниматься, если рабочая неделя длится шесть дней, а к концу каждого цикла и всего строительства они и в единственный выходной, и на ночь остаются. Приедет «домой» такой работник, умоется под умывальником, ибо в общий душ на этаже очередь, поужинает, полчаса посмотрит «зомбящик» и под воздействием одолевающего от усталости сна беспробудно заснет до пяти утра. А далее все снова по заведенному порядку...

А тут еще недавно по причине нарушения правил техники безопасности со стороны подрядчика один рабочий упал с лесов и разбился насмерть... Ведь риска для жизни и здоровья на стройке предостаточно, ибо подрядчики зачастую не видят или просто не хотят видеть недостатков в обеспечении безопасности работы гастарбайтеров.

Добрая же и совестливая душа Константина не могла без содрогания и сострадания видеть положение таких людей. И начал он писать рассказ. Нужно заметить, что писал Костя урывками: между поглядыванием на ворота и на номера машин, проверкой пропусков и досмотром автомобилей, выдачей и приемом ключей и после обхода территории. Да и прятать листы приходилось от чужих глаз и от проверяющих со стороны ЧОП-а — частного охранного предприятия,— ибо не одобряется таковая деятельность на посту. Но так или иначе, а рассказ был написан, и его опубликовали в журнале...

Как всегда, после окончания работы над произведением, наступала в творчестве пауза. И случилось так, что в это время, глядя на строящийся гипермаркет, задумался Константин о том, сколько же таких заведений в городе, а ведь еще в разных его районах новые все строятся и строятся... Подсчитывал в уме, на сколько же душ населения будет приходиться один супер- или гипермаркет с учетом их всех... А еще задавался он вопросом: сколько же покупателей в день будет в одном таком крупном магазине? Выбрал такой объект и даже в тройку своих выходных время нашел — часок утром, часок днем и часок вечером, — чтобы посчитать. Сидя на лавочке, в теничке...

Получалось, что много этих заведений на душу, а покупателей в день немного... Вот и появились у него мысли — зачем это нужно? Долго они не оставляли его в покое. И вдруг... как пробило: «Не для "отмывки" ли — через якобы продажу товара и

затем якобы поставку "нового-старого" товара — все это делается?.. А также — еще на уровне строительства, — когда деньги криминальных "общаков" инвестируются через покупку стройматериалов за "нал", и далее — перепродажа объекта другим "собственникам"... Ведь не для сдачи в аренду они строятся?» Видимо, не только писательская, но и прокурорская жилка «билась» в Константине. Но, как говорится, на всякого мудреца довольно простоты...

Вот надо же было такому случиться, взял да поделился он своими догадками с коллегой по работе с другого поста, от скуки зашедшему после сдачи смены, — мол, по пути ехать домой... И в один из вечеров услышал Костя разговор по радиации между хозяином и главным механиком. «Что это за информация ходит, Володя? Нельзя ли поподробнее узнать?...» — «А как?» — «Да надавить!...» — «Не... Я так не могу...» — «Мг... А зря! Ну, значит, придется другим путем...». Интересный разговор, но Косте и невдомек, что это про его озвученные догадки... Только потом, после всего случившегося, Константин понял, что коллега, видимо, донес кому следует из хозяев сети «Галактика»... Без лицензии работал, там что-то с законами у него не в порядке было... Потому метил, наверное, каким-то боком остаться в супермаркете после его сдачи...

На следующее дежурство Кости раздался звонок его начальника охраны: «Там из Москвы, из «Галактики», приехал какой-то проверяющий. Будь наготове, не подкачай!...»

Ночью проверяющий — мужчина лет сорока пяти, среднего роста, с залысинами — вывел из корпуса возводящегося здания строителей-гастарбайтеров и выстроил их на площадке у городка. До сдачи объекта оставалось немного времени, и работы велись круглые сутки. Огни реклам издавала переливались разными цветами в ночном городе, кое-кто в это время развлекался в барах, встречался с друзьями или наслаждался дома новой серией любимого фильма, а тут только началась «вторая» смена. Да наши строители и думать, наверное, забыли о развлечениях от такой жизни роботов. Вот и сейчас они, молча и послушно, выполняли все требования «начальника», как-то: построиться по росту, выровняться по прямой линии, «руки по швам!», «отвечать только на мои вопросы!» и так далее. И тут начался интересный диалог, который и диалогом-то назвать было нельзя. На первый вопрос: «Довольны ли вы бытовыми условиями в стройгородке?» — раздалось недружное мычание. «Так довольны или нет?!» — «Да, да», — ответили двое. «А не тяжело работать с семи до двадцати?» — «Нет», — понуро отвечали те же голоса, скорее всего, принадлежавшие знающим русский язык. «Зарплатой довольны?» ...Проверяющий ходил перед строением, и вопросы следовали один за другим. После вопроса он останавливался, немного чуть пошатываясь, прогибался, словно прислушиваясь, вперед и, получив однозначный ответ «да» или «нет», в зависимости от смысла спрашиваемого, продолжал свое движение, которое, к слову сказать, было не совсем по прямой.

Когда опрос, за исчерпанием тем, был окончен, он велел гастарбайтерам вернуться в здание и продолжить работы, а Косте — связаться по радиации с охранником из здания и поменяться с ним местами, после чего повел его в корпус... Стояла ясная ночь, небо завораживало своей притягательной глубиной, казалось, у него нет ни конца и ни начала, и если бы никого не было рядом, то на него можно было просто смотреть и не думать ни о каких делах, отрешившись ото всего. Между стройгородком и зданием, где они шли, не было освещения, и звезд в небе виднелось очень много, непривычно много для глаза городского жителя, так как мегаполис своими огнями делает незримой их вечную красоту. Как эта звездная ночь вдохновляет Константина! Эх, если бы не этот проверяющий...

В корпусе было пыльно, так как, кроме монтажных работ, чернорабочие занимались уборкой мусора, накопившегося за день. Вот один из них подошел к воротам с большой тачкой, полной отходов от строительных работ.

— Ты залез в карман к олигарху!.. — закричал проверяющий Константину (сеть таких гипермаркетов работала по всей стране), и окриком: — А ну стой! — остановил рабочего.

Лицо «начальника» было злым — глаза его сузились, губы сжались в узкую полоску, кончик носа заострился и стал похож на небольшой клюв, этому образу способствовало то, что он полусогнулся и вытянул голову на тонкой шее вперед. Быстрым шагом он подошел к гастарбайтеру, вырвал тачку из рук, и, опрокинув, высыпал содержимое на пол.

— Вот так стой и проверяй весь мусор! — приказал он Константину.

Рабочий уныло стал собирать мусор обратно в тачку. «Ну, конечно, кто же еще может залезть в карман к олигарху, если не бедные гастарбайтеры? — подумал Костя.— Вопрос о том, кому олигарх залез в карман, понятно, не стоит...» Он уже понял, что проверяющий пьян и, видимо, ищет повода для скандала, который нельзя было допустить, ибо он был бы квалифицирован как конфликт между службой безопасности «Галактики» и ЧОП-ом. Хотя конфликты существуют ровно столько, сколько существует человек, так как возникают они только в процессе общения людей, но ЧОП при этом максимально уязвим, так как генеральный подрядчик стройки просто может отказаться от его услуг. Ведь таковых в любом городе с десятков наберется. А так как — он сообразил — проверяющий приехал по его, Костину, душу, причиной чему опубликованный рассказ и его озвученные догадки насчет отмывки, то в случае скандала участь его в ЧОП-е будет плачевной. И скандальная характеристика затруднит его дальнейшее устройство на работу. А Косте нужно писать, и материального обеспечения у него нет. Потому он молчал и делал вид, что готов досконально выполнять все распоряжения...

Всю ночь «начальник» бегал по корпусу и придирался ко всему, что попадалось на глаза. Время от времени он все же отъезжал, судя по запаху спиртного, в ресторан — есть тут недалеко круглосуточный, в самом начале улицы Новомосковской,— но возвращался, и все снова повторялось...

В конце концов, проверяющий подошел к Косте, воззрился на его личную карточку охранника, прикрепленную к нагрудному карману куртки, и, ударив его довольно ощутимо кулаком в грудь, воскликнул, брызнув слюной:

— Так ты же, Вениаминыч, из нашего табора!..

Константин устоял на ногах и промолчал. В открытые ворота корпуса был виден ночной город, а над ним зарево от огней, окрашивающее небо в желто-красные цвета.

— Меня зовут Виктор Анатольевич. Ты же наш, Константин!

Костя стоял как вкопанный, никуда не отходил, лишь немного пошатывался от «тычков» проверяющего и... молчал. Все это повторялось по кругу несколько раз. «Выдержать! Выдержать!» — пульсировало в его голове. И так как охранник не реагировал ни на рукоприкладство, ни на «наш», ни на «табор», а его напарник, наверное, из любопытства, ибо замена явно затянулась, уже вернулся на свое место, москвич, видимо, изрядно уставший за ночь, вдруг повернулся и, не говоря больше ни слова, ушел.

Константин вернулся на свой пост у стройгородка. На столе лежала очень дорогая, как потом выяснилось, авторучка... Больше проверяющий ночью не приходил, видно, уехал в гостиницу...

На северо-востоке забрезжил рассвет.

А тут скоро и смене пришел конец.

